

18+

Михаил Мясников

В сиянии бальных огней

Михаил Мясников

В сиянии бальных огней

«Издательские решения»

Мясников М.

В сиянии бальных огней / М. Мясников — «Издательские решения»,

Он — самый завидный жених Петербурга: сын всесильного губернатора, красавец, блестящий офицер и наследник огромного состояния. Она — гордая княжна из обедневшего рода, чья душа ценнее любых сокровищ. Их случайная встреча в Летнем саду становится началом запретной любви. На пути к счастью их ждут лицемерие высшего света, ультиматумы властного отца и необходимость принести в жертву всё, что у них есть. Сможет ли истинное чувство победить интриги, долг и холодный расчет?

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В сиянии бальных огней

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-5189-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Начало января тысяча восемьсот сорокового года выдалось в Санкт-Петербурге на редкость студеным. Мороз крепчал к вечеру, сковывая невиский лед и заставляя редких прохожих плотнее кутаться в бобровые воротники. Но внутри особняка его превосходительства губернатора Петра Андреевича Воронцова царило душное, пахнущее воском, духами и дорогим табаком тепло. Огромные окна парадной залы были плотно задернуты тяжелыми штофными портьерами, скрывающими от мира сияние сотен свечей в хрустальных люстрах.

Губернаторский бал был главным событием сезона, точкой отсчета, после которой началась настоящая охота — не на лис или волков, а на выгодные партии. Здесь заключались негласные помолвки, рушились репутации и создавались новые политические союзы. Хозяин дома, статный мужчина с благородной проседью на висках, стоял у подножия мраморной лестницы, принимая поздравления. Его улыбка была безупречной маской опытного государственного мужа.

— Петр Андреевич, ваша супруга нынче превзошла саму себя! — пропела дородная княгиня Трубецкая, обмахиваясь веером из слоновой кости. — Этот оркестр... Говорят, выписали капельмейстера прямиком из Вены! — Что вы, матушка, это всё Варвара Сергеевна, — добродушно басил губернатор, склоняя голову. — У неё глаз наметан. А музыка... Музыка лишь фон для главного. Вы поглядите, какой цветник собрался!

В центре этого «цветника», окруженный стайкой щебечущих девиц и почтительных кавалеров, находился виновник торжества и главный бриллиант коллекции губернатора — его сын Алексей. Молодой человек обладал той небрежной красотой, что сводит с ума: высокий, широкоплечий, затянутый в безукоризненно сидящий мундир лейб-гвардии Гусарского полка. Светлые волосы были уложены по последней моде, но одна непослушная прядь то и дело падала на высокий лоб. Он слушал болтовню юных барышень с легкой полуулыбкой, которая могла означать как искренний интерес, так и смертельную скуку.

— Ах, Алексей Петрович, расскажите же нам о маневрах под Царским Селом! Это правда, что там видели самого государя? — кокетливо стреляя глазами, спросила юная графиня Нелидова. Алексей вежливо рассмеялся: — Сударыня, если бы я видел государя, я бы сейчас докладывал ему, а не танцевал котильон с вами. Мы всего лишь месили грязь и учились держать строй. Уверяю вас, зрелище было далеко не такое увлекательное, как наши балы.

К компании подошел корнет Шумский, известный повеса и приятель Алексея. Он уже успел где-то промочить горло шампанским и теперь лучился самодовольством. — Господа, господа! — громким шепотом возвестил он. — Я только что слышал потрясающую сплетню. Говорят, князь Голицын проиграл в Английском клубе имение своей жены в вист. И теперь она заставляет его продать выезд, чтобы покрыть долги! По кружку девушек пробежал испуганно-восторженный вздох. — Как можно быть таким ветреным! — ахнула одна из них. — Ветренность — удел молодости, — философски заметил Алексей, краем глаза наблюдая за отцом, который уже вовлек в разговор какого-то важного чиновника в синем мундире. Губернатор выразительно посмотрел на сына, затем перевел взгляд на группку дебютанток. Намек был более чем прозрачен.

— Алексей Петрович, — томным голосом протянула другая барышня, кажется, дочь сенатора Мухина. — А правда ли, что вы читаете французских вольнодумцев? В зале повисла секундная тишина. Вопрос был дерзким, почти неприличным. — Читаю, сударыня, — спокойно ответил Алексей, и его улыбка стала чуть острее. — Чтобы знать врага в лицо. Мой батюшка считает, что просвещенный ум должен изучать все заблуждения человечества, дабы укрепиться в истинной вере и преданности престолу. Не так ли, папа? — крикнул он через головы собеседников. Губернатор прервал свою речь, обернулся и, оценив ситуацию, гулко

расхохотался. — Истинно так, mon cher! Истинно так! Вот вам пример государственной мудрости. А ну-ка, господа, дайте дорогу музыке! Кажется, начинается вальс!

Оркестр грянул первые аккорды Штрауса. Для многих девиц на выданье этот момент был решающим. Получить приглашение на первый танец означало получить пропуск в высший свет. — Алексей Петрович, окажите честь, — прощепетала графиня Нелидова, делая шаг вперед. Но Алексей смотрел мимо неё. Его внимание привлекло движение у колонны. Там стояла девушка, совершенно не похожая на шумную толпу её сверстниц. Она не строила глазки офицерам, не шушукалась с подругами. Её поза была исполнена спокойного достоинства. На ней было простое, но элегантное платье жемчужного цвета, которое подчеркивало не пышность форм, а изящную линию плеч и шеи. Тёмные волосы были убраны в гладкую причёску, открывая чистый лоб. Девушка держала в руках книгу в кожаном переплете, словно ища в ней спасения от этой суеты.

Шумский проследил за взглядом друга и присвистнул: — Ого! Кто эта неприступная крепость? Судя по надменному виду — какая-нибудь бедная родственница, которую вывезли в свет из глуши. — Это княжна Долгорукая, — тихо произнес Алексей, не отрывая от неё взгляда. — Держись от неё подальше со своими манерами. — Почему же? Мне нравятся крепости, которые интересно штурмовать. — Потому что я так сказал, — отрезал Алексей, и в его голосе прозвучал металл. Он решительно направился сквозь толпу прямо к девушке. Та заметила его приближение и едва заметно напряглась, захлопнув книгу. — Добрый вечер, княжна, — поклонился Алексей. — Позвольте представиться, Алексей Воронцов. Варвара (а это была именно она) подняла на него свои удивительные серые глаза. Взгляд был прямым, изучающим, без тени кокетства. — Наслышана о вас, господин Воронцов. Весь Петербург только и говорит о вашем уме, красоте и... богатстве вашего отца. Её слова прозвучали скорее как констатация факта, нежели как комплимент. В них не было ни капли лести, к которой он привык. — А я наслышан о вашей гордости и остром языке, — парировал он, слегка наклонив голову набок. — Это делает наше знакомство... интригующим. — Интригующим? Или опасным? — уголки её губ дрогнули в подобии улыбки. — Возможно, и то, и другое. Разрешите пригласить вас на вальс? Она колебалась долю секунды, глядя на протянутую руку. Вокруг них кружились пары, смеялись люди, плелись интриги. А здесь, у колонны, происходило нечто совсем иное. — Раз уж весь Петербург ждет моего ответа... — наконец сказала она и вложила свою ладонь в его.

Когда они вышли в центр зала, разговоры вокруг стихли. Все взгляды устремились на эту странную пару. Алексей положил руку ей на талию, и они закружились в танце. Они молчали. Слова казались лишними. В этом молчании было больше смысла, чем во всех светских беседах вечера. Алексей чувствовал под тонкой тканью платья тепло её тела, видел, как пульсирует жилка на шее. Варвара смотрела куда-то поверх его плеча, сохраняя идеальную осанку, но пальцы, сжимавшие его плечо, были напряжены. Музыка закончилась. Алексей проводил её обратно к колонне. — Благодарю за танец, — ровным голосом произнесла она. — Это я должен благодарить вас, княжна. Вы подарили мне самый интересный разговор за весь вечер, хотя мы не сказали друг другу и десятка слов. На прощание он поцеловал её руку — дольше, чем того требовал этикет. Затем развернулся и пошел прочь, чувствуя спиной её взгляд. Бал продолжался, но для Алексея Воронцова он уже закончился. Началось что-то новое.

Для Алексея этот вечер превратился в изощренную пытку. Вальс с княжной Долгорукой оставил после себя странное, звенящее послевкусие — смесь досады и острого, почти болезненного интереса. Она не была похожа ни на одну из девиц, чьи альбомы он украшал старательно выведенными вензелями «А.В.». В ней не было ни жеманства Нелидовой, ни глупого кокетства Мухиной. Её прямой взгляд и спокойная ирония задели его за живое, пробив брешь в броне светской скуки.

Он взял бокал шампанского у проходящего мимо лакея и отошел к высокому окну, наполовину скрытому тяжелой портьерой. Отсюда открывался вид на парадный зал, превратив-

шийся в пестрый, гудящий улей. — Алексей Петрович скучает? — раздался рядом знакомый голос с легкой хрипотцой. Это был князь Шумский. Он уже успел избавиться от тесного мундира, оставшись в модном темно-синем фраке, и теперь с любопытством наблюдал за другом. — Я видел твой танец. Весь Петербург завтра будет говорить о том, что сын губернатора оказал честь этой гордячке Долгорукой. Говорят, её батюшка спустил всё состояние на бегах, а она теперь мнит себя королевой.

Алексей медленно повернул голову. Взгляд его серых глаз стал ледяным. — Ты слишком много говоришь, Михаил, особенно когда выпьешь лишнего. И ты ничего не знаешь ни о состоянии Долгоруких, ни о самой княжне. Шумский примирительно поднял руки: — Ого! Какая защита! Неужели стрела Амура пронзила твое каменное сердце? Брось. Такие, как она, ищут либо денег, чтобы спасти семью, либо титула повыше. А ты для неё — идеальная добыча. Красавец, богач, да еще и единственный наследник губернаторского кресла. Она просто умело играет роль неприступной крепости. — Возможно, — тихо ответил Алексей, глядя поверх плеча друга туда, где Варвара стояла в окружении пожилых тетюшек. Она слушала их с вежливой полуулыбкой, но глаза её оставались холодными и отстраненными. — Но я предпочитаю сам делать выводы о людях, а не полагаться на дворовые сплетни.

В этот момент музыка смолкла, возвещая конец кадрили. По залу пронесся легкий шум — гости меняли партнеров, искали новые темы для беседы или направлялись к столам с прохладительными напитками. К Алексею подплыла сама хозяйка дома, статная дама в платье из лилового атласа, увешанная фамильными бриллиантами так густо, что они, казалось, оттягивали ей шею. — Алеша, душа моя, — пропела она, обмахиваясь веером. — Твой отец вне себя от ярости. Он только что имел крайне неприятный разговор с сенатором Мухиным. Тот прозрачно намекал, что его дочь провела весь вечер в одиночестве, пока ты танцевал... с кем попало. — Матушка, — вздохнул Алексей, склоняясь к руке матери. — У мадемуазель Мухиной прыщик на подбородке, который она тщетно пытается скрыть под слоем пудры. Я не готов жертвовать своим зрением ради политических амбиций папеньки. Графиня тихо рассмеялась, прикрыв рот веером. — Ах, какой же ты циник. Но твоя прямота мне по душе. Однако послушай старую женщину. Петр Андреевич прав. Тебе двадцать лет. Пора подумать о будущем. Губернаторство — это не только приемы и мундиры. Это огромная ответственность. Чтобы удержать власть и влияние, нужен прочный тыл. Нужна жена из правильной семьи, с правильным приданым и правильными связями. Эта Долгорукая... она красивая девочка, но её род сейчас не имеет веса. А нам нужны союзники. — Вы хотите, чтобы я женился по расчету? — Я хочу, чтобы ты поступил мудро. Любовь — это прекрасно для стихов, но губительна для государственного мужа. Посмотри вокруг. Кто здесь счастлив в браке по любви? Мы все — части одной большой шахматной партии.

Этот разговор тяготил Алексея. Он чувствовал себя зверем, которого загоняют в золотую клетку. Все эти улыбки, комплименты, многозначительные взгляды матрон — всё это было лишь декорациями к торгу, где его личностью расплачивались за политическое влияние. Он допил шампанское одним глотком. — Прошу прощения, татап, — сказал он, ставя пустой бокал на поднос пробежавшего слуги. — Мне душно. Я должен выйти на воздух. Не дожидаясь ответа, он стремительно пересек зал, ловко лавируя между группами гостей. На него оглядывались, ему кланялись, кто-то пытался остановить его вопросом, но Алексей шел вперед с непреклонностью ледокола. Ему нужно было вырваться из этого удушающего аромата духов и лицемерия хотя бы на пять минут.

Он вышел в соседнюю комнату — малую гостиную, предназначенную для карточных игр и мужских бесед. Здесь было тише. Несколько почтенных стариков играли в вист, вполголоса обсуждая тарифы и назначения. Алексей подошел к огромному зеркалу в позолоченной раме и посмотрел на свое отражение. Оттуда на него глядел безупречный молодой аристократ: гладкие волосы, идеальный воротничок, насмешливая складка у губ. Идеальная маска. Маска,

которую он носил с детства. — Вы бежите от толпы, словно раненый зверь, — произнес тихий, мелодичный голос у него за спиной. Алексей резко обернулся. В дверях гостиной стояла она. Княжна Долгорукая. Должно быть, она проследила за ним, воспользовавшись тем, что внимание тетушек отвлек кто-то из важных гостей. — Вы следили за мной? — спросил он, чувствуя, как учащается пульс. — Наблюдала, — поправила она, входя в комнату и аккуратно закрывая за собой дверь, отсекая звуки бала. — В отличие от всех остальных, вы хотя бы честны в своем желании сбежать. Они будут улыбаться вам до утра, пить ваше шампанское и обсуждать ваши долги, которых нет, и ваших любовниц, которых тоже нет. А вы... вы просто хотите тишины. Она подошла ближе и встала рядом с ним перед зеркалом. Их отражения оказались бок о бок. Контраст был разителен: его светлая, сияющая красота и её строгий, благородный облик цвета ночи и пепла. — Мой друг считает, что вы ищете выгодную партию, — прямо сказал Алексей, поворачиваясь к ней лицом. Теперь они стояли очень близко, нарушая все мыслимые приличия. Варвара посмотрела ему прямо в глаза. Её взгляд был спокоен, но в глубине серых омутов плясали дерзкие искорки. — Ваш друг судит обо всех женщинах по меркам своей пустоголовой сестры. А вы? Что думаете вы? — Я думаю, — медленно проговорил он, невольно опуская взгляд на её губы, — что вы играете в гораздо более опасную игру, чем кажется со стороны. Вы бросаете вызов всему этому обществу, просто стоя здесь, со мной, вдали от света. — Обществу плевать на меня, Алексей Петрович. Я для них — бедная родственница, забавный антураж. Им интересны вы. Ваша судьба, ваш выбор. Они уже делят шкуру неубитого медведя, решая, кому достанется рука будущего губернатора. — Значит, мы с вами в одной лодке, княжна. Оба заложники чужих ожиданий. Между ними повисло молчание, наполненное невысказанными словами. Воздух в маленькой гостиной, казалось, накалился. Варвара первая нарушила эту опасную тишину. — Возвращайтесь в зал, Алексей Петрович. Вас ищет ваша матушка, а мой уход заметят через минуту. Если мы продолжим этот разговор, последствия будут необратимы. Она была права. Каждое мгновение наедине компрометировало её безмерно. Алексей понимал это, но какая-то часть его бунтовала против правил, долга и всей этой проклятой политики. — Вы правы, — наконец выдохнул он. — Вы всегда правы. Это раздражает. На её губах впервые за вечер промелькнула настоящая, живая улыбка. — Доброй ночи, Алексей Петрович. Было... познавательно. — До встречи, Варвара Сергеевна, — прошептал он ей вслепую, глядя, как её стройная фигура исчезает за дверью. Оставшись один, Алексей снова взглянул в зеркало. Насмешливая маска исчезла. На него смотрел растерянный двадцатилетний юноша, чья жизнь только что разделилась на «до» этой встречи и «после». Он понял главное: эта война будет вестись не на полях сражений, а в душных залах особняков, и первый выстрел уже прозвучал.

Губернатор Петр Андреевич Воронцов был недоволен не из-за отсутствия любви к сыну. Напротив, его недовольство было прямым следствием этой любви и того груза ответственности, который он нес на своих плечах. Для него губернаторство в столице Империи было не sinecurой, а сложнейшим механизмом управления, где каждый винтик должен быть смазан должным образом.

Его цель была проста и грандиозна одновременно: создать династию. Укрепить влияние рода Воронцовых так, чтобы оно стало нерушимым столпом государства. Алексей был главным инструментом в этом деле. Женитьба сына — это не вопрос чувств, это стратегический альянс. Брак с дочерью сенатора Мухина означал бы союз с финансовой элитой столицы. Союз с одной из дочерей графа Строганова — доступ к колоссальным земельным угодьям и влиянию при дворе. Любая из этих партий превратила бы Алексея из просто богатого наследника в титана, чье слово имело бы вес золота.

А княжна Долгорукая... Она была красивой, умной, но катастрофически неподходящей фигурой для этой шахматной партии. Её род хоть и был древним, находился в состоянии униженного оскудения. У неё не было ни связей её отца (он давно сошел со сцены), ни значимого приданого. Выбрав её, Алексей совершил бы политическое самоубийство. Он бы добровольно

отказался от рычагов власти ради эфемерного чувства. Губернатор видел в этом не романтику, а предательство дела всей его жизни. Он строил фундамент империи для своего сына, а тот собирался поставить этот фундамент на зыбучий песок личных прихотей.

Что же до Варвары, то её появление в малой гостиной не было случайностью или порывом. Это был холодный, взвешенный ход. Весь вечер она наблюдала за Алексеем. Она видела эту маску скупающего аристократа, слышала его остроумные, но пустые ответы девицам на выданье. Но она заметила и другое: как он смотрел на отца во время их короткого разговора — с уважением, смешанным с глухим раздражением; как он сбежал после вальса, словно ему физически требовался глоток свежего воздуха.

Она пришла туда не для флирта. Её целью было **проверка**. Ей нужно было понять, кто перед ней на самом деле: самовлюбленный павлин, каким его рисовала молва, или человек, запертый в той же золотой клетке, что и она сама. Разговор с ним один на один, вдали от сотен любопытных глаз, был единственным способом увидеть истинное лицо. И она увидела именно то, на что надеялась: растерянность, живой интерес и ту же усталость от фальши высшего света. Она бросила ему вызов, спровоцировала на искренность, и он ответил. Теперь игра изменилась.

Разговор с Варварой отличался от светских бесед в зале настолько же, насколько отличается глубокий колодец от лужи на мостовой.

Светская беседа велась *вокруг* человека. Говорили о погоде, о последних указах государя, о ценах на сукно, об успехах полковых учений. Слова скользили по поверхности, не проникая вглубь. Их главной задачей было заполнить тишину, соблюсти протокол, обменяться условными знаками принадлежности к одному кругу. Это был танец языка, где каждое па было выверено веками этикета. Личность говорящего стиралась, уступая место социальной функции.

Разговор с Варварой был направлен *внутрь*. Они говорили не о событиях, а об их сути. Не о балах, а о желании сбежать с них. Не о титулах, а о бремени, которое они накладывают. Там не было места эвфемизмам и намекам. Фраза «Ваш друг судит обо всех женщинах по меркам своей пустоголовой сестры» была ударом шпаги, нанесенным прямо в суть проблемы, без всяких реверансов. Этот диалог требовал полной интеллектуальной и эмоциональной отдачи. В нём нельзя было спрятаться за маской. Каждое слово имело вес и последствия. Если светский разговор убивал время, то этот разговор рождает понимание и связывал двух людей невидимой, но прочной нитью, сотканной из общей тайны и взаимного признания.

Желание губернатора Петра Андреевича видеть Алексея женатым на богатой наследнице коренилось не в банальной алчности, а в самой природе имперской власти. Для человека его положения брак — это династический акт, эквивалентный подписанию важнейшего международного договора.

Богатая наследница приносила с собой не просто деньги, которые у Воронцовых и так были. Она приносила **капитал иного рода**:

Политическое влияние: Отец невесты-сенаторской дочери или графа становился естественным союзником, голос которого в Государственном совете всегда будет на стороне губернатора. Это создавало непотопляемую коалицию, защищающую от интриг завистников при дворе.

Экономическую опору: Огромные состояния, вложенные в заводы, земли и банки, делали семью финансово независимой от милостей казны. Это давало свободу действий и возможность реализовывать масштабные проекты в губернии, не выпрашивая субсидии.

Социальную неприкосновенность: Брак с равной по статусу и богатству партией цементировал положение семьи на вершине социальной пирамиды. Это был щит от любых слухов и попыток подорвать их авторитет. Алексей, женившись на такой девушке, перестал бы

быть просто «сыном губернатора» и стал бы самостоятельной фигурой, равным партнером в управлении огромным капиталом и влиянием.

Княжна Долгорукая была для этой схемы губительна. Её древний род был пустым титулом без реального веса, а отсутствие приданого делало этот союз экономически бессмысленным. Выбрав её, Алексей добровольно отказывался от рычагов, которые отец десятилетиями ковал для него. Он превращался из будущего столпа империи в обычного помещика, чье благополучие зависит лишь от урожая ржи в его имении. Губернатор видел в этом не выбор сердца, а опасную блажь, способную разрушить дело всей его жизни.

Главной целью Варвары, заговорившей с Алексеем наедине, было **снятие маски**. Весь вечер она наблюдала за ним издали, как за диковинным экспонатом в музее: безупречный мундир, скушающая полуулыбка, остроумные ответы, вызывающие смех у толпы. Общество навесило на него ярлык «идеального светского льва». Но Варвара, сама будучи чужачкой в этом мире показного блеска, чувствовала фальшь.

Ей нужно было понять, что скрывается за этим фасадом. Является ли он таким же пустым и тщеславным, как окружающие его кавалеры, или же эта скука в его глазах — признак заточения? Заговорив с ним в малой гостиной, вдали от шума и оценивающих взглядов, она провела эксперимент. Она спровоцировала его, бросив ему вызов своим появлением и прямоотой. Её целью было заставить его сбросить личину, которую требовал от него этикет, и увидеть настоящего человека. И когда маска соскользнула, обнажив растерянность и живой интерес, её собственное любопытство переросло во что-то большее. Она нашла не просто красивого мужчину, а родственную душу, запертую в той же золотой клетке.

Различие между светской беседой в зале и разговором с Варварой в плане глубины обсуждений можно сравнить с разницей между перелистыванием модного журнала с яркими картинками и чтением философского трактата при свете одной свечи. Алексей смотрел на своё отражение в темном стекле окна, но видел не безупречный мундир и скушающее лицо, а лишь бесконечную череду одинаковых дней. Он слышал гул бального зала за спиной — этот монотонный пчелиный рой, от которого звенело в ушах.

— Вы бежите от толпы, словно раненый зверь, — её голос прозвучал так неожиданно, что он вздрогнул. Не обернулся сразу. Позволил словам повиснуть в воздухе между ними.

Он медленно повернулся к княжне Долгорукой. Она стояла в дверях малой гостиной, такая же чужая здесь, как и он сам. В этом полумраке, вдали от блеска люстр, она казалась еще более настоящей.

— Наблюдала? — его собственный голос звучал глухо, лишенный привычной светской легкости. Это был просто голос уставшего человека.

— В отличие от всех остальных, вы хотя бы честны в своем желании сбежать, — Варвара сделала шаг внутрь комнаты, прикрывая за собой дверь. Звук отрезал их от мира, оставив только тишину и двоих. — Они будут улыбаться вам до утра, пить ваше шампанское и обсуждать ваши долги, которых нет, и ваших любовниц, которых тоже нет. А вы... вы просто хотите тишины.

Она подошла ближе и встала рядом с ним у окна. Их отражения в черном стекле почти соприкасались плечами. Её профиль был строгим и четким на фоне подсвеченного окна парадной залы.

Алексей почувствовал, как внутри него рушится стена. Годами выстроенная броня из остроумия, вежливых улыбок и показного равнодушия дала трещину от одной этой простой фразы. *«Вы просто хотите тишины»*. Никто никогда не говорил ему такого прямо. Все вокруг говорили о долге, о чести, о блестящей карьере, которую ему прочили. Но никто не сказал: «Тебе это все опостылело».

— Мой друг считает, что вы ищете выгодную партию, — слова вырвались сами собой. Он должен был проверить её. Должен был понять, права ли молва.

Варвара посмотрела ему прямо в глаза. Её взгляд не дрогнул. В нем не было ни кокетства, ни страха. — Ваш друг судит обо всех женщинах по меркам своей пустоголовой сестры. А вы? Что думаете вы?

Вопрос ударил точно в цель. Алексей понял, что именно этого вопроса он и боялся. Потому что ответ на него означал бы признание в том, что весь его мир — фальшивка. Он сделал то, чего никогда не делал в зале: позволил себе быть уязвимым. Он опустил взгляд на её губы, потом снова посмотрел в глаза.

— Я думаю, что вы играете в гораздо более опасную игру, чем кажется со стороны. Вы бросаете вызов всему этому обществу, просто стоя здесь, со мной, вдали от света.

На её губах промелькнула тень улыбки — не той светской гримасы, а настоящей, живой. — Обществу плевать на меня, Алексей Петрович. Я для них — бедная родственница, забавный антураж. Им интересны вы. Ваша судьба, ваш выбор. Они уже делят шкуру убитого медведя, решая, кому достанется рука будущего губернатора.

Её слова были подобны ледяной воде. Она назвала вещи своими именами. *Будущий губернатор*. Вот ради чего всё это. Ради этого титула отец готов пожертвовать его счастьем, связав его с какой-нибудь Мухиной или Нелидовой. И она, эта странная девушка, поняла это мгновенно, увидев всю подноготную их жизни.

— Значит, мы с вами в одной лодке, княжна, — тихо произнес он, чувствуя странное облегчение от того, что его поняли. — Оба заложники чужих ожиданий.

В маленькой гостиной повисло молчание, но оно не было неловким. Оно было наполненным. Наполненным смыслом, который не требовал слов. Алексей впервые за вечер дышал полной грудью. Здесь, с ней, он мог не играть роль. Он мог быть просто собой — человеком, которому смертельно надоели маски.

Варвара первой нарушила эту хрупкую связь. — Возвращайтесь в зал, Алексей Петрович. Вас ищет ваша матушка, а мой уход заметят через минуту. Если мы продолжим этот разговор, последствия будут необратимы.

Она была права. Каждое мгновение здесь компрометировало её безмерно больше, чем его. Он понимал это умом, но какая-то часть его бунтовала против правил, долга и всей этой проклятой политики.

— Вы правы, — наконец выдохнул он. Эта прямота... она одновременно и раздражала, и восхищала. — Вы всегда правы. Это... обезоруживает.

На её лице появилась настоящая, живая улыбка. — Доброй ночи, Алексей Петрович. Было... познавательно.

— До встречи, Варвара Сергеевна, — прошептал он ей вслед, глядя, как её стройная фигура исчезает за дверью. Оставшись один, Алексей снова взглянул на свое отражение. Насмешливая маска исчезла. На него смотрел растерянный двадцатилетний юноша, чья жизнь только что разделилась на «до» этой встречи и «после». Разговор в зале был танцем, набором заученных па. Этот короткий диалог в полутьме был прыжком в пропасть. И он понял главное: эта война будет вестись не на полях сражений, а в душевных залах особняков, и первый выстрел уже прозвучал. Алексей смотрел на закрывшуюся за Варварой дверь, и тишина малой гостиной казалась ему оглушительной. Он чувствовал себя так, словно с него содрали кожу. Эта короткая встреча обнажила всё: его усталость, его бунт, его одиночество. Но главное — он сам, добровольно, показал ей свою самую уязвимую сторону.

Он не просто пожаловался на скуку бала. В разговоре с ней Алексей раскрыл тайну, в которой боялся признаться даже самому себе. Это была не какая-то постыдная история или семейный секрет. Это было нечто гораздо более глубокое и разрушительное для образа блестящего гвардейца.

Тайна заключалась в том, что он ненавидит то будущее, которое для него готовят.

В парадном зале, танцуя кадрили с графиней Нелидовой, он мог отшучиваться о маневрах под Царским Селом. Но здесь, перед Варварой, он невольно проговорился о главном. Когда она сказала про «заложников чужих ожиданий», он ответил не пустой светской фразой. Его ответ был признанием:

«Значит, мы с вами в одной лодке, княжна... Оба заложники».

Это была не метафора. За этими словами скрывалась вся тяжесть его положения. Он раскрыл ей, что блестящая карьера губернатора, которую отец выстраивает для него как триумфальную арку, видится ему тюремной камерой с золотыми решетками. Что перспектива провести жизнь в бесконечных заседаниях, подписании бумаг, интригах и соблюдении протокола вызывает у него физическое отторжение.

Он рассказал ей об этом без слов, но абсолютно ясно. Своей усталостью, своим бегством из зала, своей готовностью говорить начистоту. Он признался, что мечтает не о власти, а о свободе. Не о влиянии, а о праве выбирать свой собственный путь, пусть даже этот путь ведет в какое-нибудь дальнее имение, подальше от столичной суеты и отцовского гнева.

Варвара поняла это мгновенно. Именно поэтому её взгляд стал таким пронзительным. Она увидела за маской богатого наследника живого человека, который отчаянно хочет вырваться из клетки, построенной для него любовью и амбициями отца. И самое страшное было то, что, раскрыв эту тайну, он сделал себя зависимым от неё. Теперь она знала его слабость. И теперь он со страхом и надеждой ждал, станет ли эта тайна началом их общей борьбы или оружием, которое она использует против него.

Эта мысль обожгла его холодом. Он резко оттолкнулся от подоконника. Нужно вернуться. Нужно снова надеть маску, пока кто-нибудь не вошел и не увидел его лицо — лицо человека, только что признавшегося в государственной измене против собственной судьбы. Он должен стать тем самым Алексеем Воронцовым, которого все знают: красивым, остроумным и безупречно пустым. Иначе он пропал. Неделя после бала прошла для Алексея в странном, лихорадочном тумане. Он исправно появлялся в свете, танцевал с Мухиной, обменивался остротами со Шумским и даже удостоился одобрительного кивка от отца за «благоразумное поведение». Но всё это было лишь декорацией. Настоящая жизнь, казалось, переместилась на страницы книги, которую он так и не смог дочитать.

Он искал её. Не навязчиво, но постоянно. На службе, в театре, во время прогулок по Невскому проспекту — его взгляд невольно выхватывал из толпы темноволосых дам знакомый силуэт или строгий профиль. Тщетно. Княжна Долгорукая словно испарилась из высшего света, затаившись в одном из своих скромных петербургских особняков.

Поэтому когда на следующий день выдалось редкое для Петербурга ясное утро, Алексей решил отправиться туда, где воздух был чище, а суета — тише. Летний сад. Место для чинных прогулок нянюшек с детьми и тайных свиданий влюбленных поэтов. Место, пропитанное историей и осенней меланхолией.

Он шел по центральной аллее, пиная мыском сапога первые опавшие листья. Мысли его были далеко, снова и снова возвращаясь к разговору у окна. Внезапно тихий шелест и глухой удар о гравий заставили его поднять голову.

В боковой аллее, скрытой от главной дорожки живой изгородью, стояла девушка. Она была одна, что само по себе было нарушением приличий, и склонилась над чем-то, лежащим на земле. Подойдя ближе, Алексей понял: она пыталась поднять книгу, которая выскользнула из стопки, лежавшей на скамье, и упала прямо в небольшую лужицу, оставшуюся после вчерашнего дождя.

— Позвольте мне, княжна, — произнес он прежде, чем успел обдумать свои действия. Его голос прозвучал мягче, чем он намеревался.

Варвара резко выпрямилась. Щеки её слегка порозовели, то ли от смущения, то ли от прохладного воздуха. Она явно не ожидала никого здесь увидеть. — Вы напугали меня, Алек-

сей Петрович, — сказала она, поправляя сползшую на лоб шляпку. Голос её звучал ровно, но в глазах мелькнуло удивление.

Алексей наклонился и поднял книгу. Это был тяжелый том в простом кожаном переплете без позолоты. Страницы чуть подмокли снизу. — Похоже, труды господина Канта не выдержали столкновения с русской природой, — заметил он, аккуратно стряхивая капли воды с обложки. — Я слышал, немцы считают нас варварами. Кажется, их философия с нами согласна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.